

«НЕДОСТУПНАЯ ВЕСНА»

Размышления о роли восстания декабристов
в отечественной истории и культуре.

Сергей Павловский,
1 марта 2013. г.

Из всех городов моей страны больше всего я люблю Петербург. В его невской панораме, в фасадах его проспектов и возвышенности куполов я прочитываю и бывую имперскую мощь, и огонь исторических страстей, и восторг, и тихую романтическую грусть. Его «строгий стройный вид» настолько совершенен, что навсегда впечатывается в зрительную память любого, кто хоть раз там побывал. Этот город – главный музей золотого века русской литературы от Пушкина и Гоголя до Достоевского и русской истории от Петра до трех революций и блокады.

Я нечасто бываю в Петербурге, но всякий раз, когда сворачиваю с Невского на Малую Морскую, потом огибаю Исаакиевский собор и выхожу на Сенатскую площадь, у меня перехватывает дыхание и начинает учащенно биться сердце. Если подгадать, чтобы было не лето, когда вокруг Медного всадника торгуют лимонадом с пончиками, а на траве сидят, лежат, ходят, громко смеются и бранятся мои современники, а прийти туда зимой или поздней осенью под вечер, в самую неприятную подслеповатую питерскую морозь и хмарь, когда площадь абсолютно пуста, тогда можно остановиться, прислушаться и почувствовать тени прошлого.

*Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки...*

14 декабря 1825 года. Что произошло в этот день? Два полка гвардии, то есть около трех тысяч солдат, вышли на Сенатскую площадь и встали на ней. Их окружило десять тысяч правительственных войск и толпа зевак. Целый день они простояли так друг против друга, ничего не предпринимая. Потом подвезли артиллерию, и первый же залп решил все дело. В течении нескольких дней всех организаторов «массовых беспорядков» арестовали, судили, пятерых повесили, сто человек сослали. Вот, собственно, и все, что произошло.

Почему же мы двести лет помним этот день? Почему члены тайных обществ, которых за годы Аракчеевщины накопилось в России немало (заметим, что суффикс в этом термине красноречивей фамилии – «бироновщина», «ежовщина» и т.д.), получили в истории одно общее название, связанное именно с датой выступления на Сенатской площади? Ведь выступление вышло абсолютно провальным. Пять лет обсуждать проекты, спорить о будущей конституции, о том, как правильнее освободить крестьян, а потом в один день бросить на мерзлый лед и свое прошлое, и свое будущее.. Все «прогулять» за один день! Ну ладно, власть не взяли, так хоть продать свою жизнь можно было подороже, а так один безумный Каховский-то и попал, куда целился, а остальные чего делали? Как сказал однажды знаменитый донецкий слесарь Климент Ефремович Ворошилов «Я чего-то не пойму, а почему же памятник Пушкину, если победил Дантес?!»

*Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки...*

Зимний промозглый питерский вечер, пустая площадь, только конная статуя на гранитном валуне. Я смотрю в лицо Великому Императору и, как пушкинский Евгений, бросаю ему дерзкий вызов. А вслед за Великим Петром и всей российской истории. Да, меня всегда интересовала история моей страны. История трудная, мучительная, кровавая. То вспыхивающая, озаряя огнем ракеты все окрестные народы, то вновь засасываемая болотом равнодушия ее «как бы граждан»... Да, мне интересна история моей страны и интересны многие ее исторические деятели, но я понял однажды очень отчетливо, что не люблю их. Понял это не со злорадством, а с ужасом. Я люблю Пушкина, Толстого, Симонова, Твардовского. Но я не люблю исторических деятелей. Ни великого Петра, садиста, расчетливо и хладнокровно замучившего собственного сына, и посадившего на кол возлюбленного его матери, своей первой жены, брошенной им за ненадобностью. Великая Елизавета навечно заточила сестренку, великая Екатерина задушила подушкой мужа, великий Александр папашу табакеркой. Не люблю ни этих спесивых и буйных Рюриковичей, ни этих милых, но безвольных и плаксивых Романовых, ни их убийц-народовольцев, самоотверженных, но гнусных. Ну, с большевиками понятно, их вообще никто не любит, но и даже советских маршалов Победы, вроде Жукова, тоже не люблю. Уважаю их полководческий талант, но не люблю их, начальников, клавших дивизии за избушку лесника, назначавших наступления армий не дожидаясь, пока их успевали подготовить, снабдить боеприпасами, только для того, чтобы взять очередной город к 7 ноября, к 1 мая, к дню рождения Сталина, и даже под Берлином (кровь не вода!) снова в лоб, в лоб, в лоб, ведь слава победы все смывает.

*Люблю отчизну я, но странною любовью...
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.*

За весь курс отечественной истории есть только одна группа исторических деятелей, которых я по-настоящему люблю, которым сочувствую. Это декабристы. Поэтому и пишу о них. Эти люди не похожи на прочих «исторических деятелей» тем, что были слишком благородны. Благородны в своих целях – дать свободу народу, рабским трудом которого кормился весь дворянский класс, к которому они сами принадлежали, то есть, напрямую в ущерб себе, ради абстрактной цели. Но, в отличие от пришедших через сто лет других борцов за «абстрактные цели», не готовые за эти цели лить реки крови. То есть, одновременно с благородными целями они признавали только благородные методы. И поэтому все их планы были обречены с самого начала, задолго до 14 декабря. Ведь история делается людьми циничными, людьми расчетливыми, хладнокровными, лживыми. Именно поэтому «любить» в истории почти некого – не только в русской, но и в мировой истории.

Самый яркий пример того, что благородство ведет к поражению – это история Гражданской войны. Летом 1919 года, когда Деникин был практически в двух переходах от Москвы, а генералу Юденичу в Эстонии не хватало всего лишь двух дивизий, чтобы взять Петроград, Маннергейм (бывший прежде, как и они, генералом царской армии) предложил Юденичу 100 тысяч финских штыков в обмен на обещание белых в случае своей победы признать независимость Финляндии. Но верховный правитель, адмирал Колчак отказался это сделать, заявив, что для него Россия «единая и неделимая». И вопрос же тогда стоял не в том, единая ли Россия, и каковы должны быть ее границы, а просто в том, чтобы в тактических целях что-то пообещать, то есть – просто сказать «слова», и все. Совершенно противоположным образом вели себя красные. В марте 1918 Ленин подписывает знаменитый «Брестский мир», фактически капитуляцию перед Германией в Первой мировой войне. По этому соглашению Россия теряет Украину, Белоруссию, Прибалтику – территории, на которых проживало около трети населения страны. Ужас, крах, позор! Но уже через полгода Германия терпит поражение от союзников, немцы уходят к себе домой, а еще через год там благополучно устанавливается советская власть!

Вот яркий пример действенности «политической целесообразности» с одной стороны и «благородства принципов» с другой. Да, это правильно, целесообразно, перспективно, это пример для подрастающих политических деятелей, но по-человечески любить эту мерзость невозможно.

Хочу ли я сказать, что декабристы – это такие слюнтяи с чистыми руками, которые мухи не обидят? Да конечно нет! Это боевые офицеры в первую очередь. И в головах у многих из них были четкие планы не только по отстранению, но и по убийству царской семьи. Но только не табакеркой по виску, как цари сами себя убивали, а по-честному, на эшафоте. А у кого-то из них не было таких планов. И было много споров между заговорщиками на эту тему. Но дело не в том, кто и чего хотел, а в том – что и как в итоге получилось.

Проще это объяснить на примере, для чего вновь вернемся к Клименту Ефремовичу. Я хочу провести параллель между Восстанием декабристов и дуэлью Пушкина. Дантес смертельно ранит Пушкина, но Пушкин свой выстрел, все-таки, делает. И не холостой, а настоящий, и не в небо, а в грудь Дантесу, а стрелять Пушкин умел хорошо. Желал ли он Дантесу смерти? Желал ли Пестель смерти царской семьи? Видимо, да. Исследователи насчитывают у Пушкина 29 дуэлей. С 1822 по 1837 – это значит раз в полгода. Но он никогда не то, что не убил человека, но даже не ранил никого. Почему? Судьба?

Александр Городницкий об этом так, впрочем, скорее ставя вопрос, чем отвечая на него

*Лежат поэты на холмах пустынных,
И непонятно, в чём же корень зла,
Что в поединке уцелел Мартынов,
И что судьба Дантеса сберегла?*

*Что, сколько раз ни приходилось биться,
Как ни была рука его тверда,
Не смог поэт ни разу стать убийцей,
И оставался жертвою всегда?*

*Неясно, почему? Не потому ли,
Что был им непривычен пистолет?
Но бил со смехом Пушкин пулю в пулю,
Туза навскидку пробивал корнет.*

*Причина здесь не в шансах перевеса, —
Была вперёд предрешена беда:
Когда бы Пушкин застрелил Дантеса,
Как жить ему и как писать тогда?*

Поэт – это в первую очередь его поэзия. И для большинства поэтов это именно так, к сожалению. Но есть единицы, которые сумели и собственной жизнью хотя бы немного приблизиться к высотам собственного творчества. И первый среди них снова Пушкин. Его жизнь небезукоризненна, неидеальна, но, в отличие от многих других неидеальных жизней, его жизнь – это постоянное восхождение. Моральное, нравственное, гражданское, религиозное. И перед самой вершиной этой горы – дуэль, последние дни, страшные предсмертные муки. Все ли в этой жизни зависит от человека? Вряд ли. В каждой судьбе есть влияние рока. Так и с дуэлью. Пушкин не убил Дантеса, но добровольно встал под его пулю, и остался нравственным примером. Декабристы не устраивали кровавой резни и перестрелок на баррикадах, как по всей просвещенной Европе весь XIX век, не душили царя подушками, как благополучно это делали петербургские гвардейцы предыдущие сто лет, но они вышли на площадь, добровольно взойшли на эшафот, став для потомков нравственным и гражданским примером на два века вперед.

Вот слова Кондратия Федоровича Рылеева, незадолго до Восстания: *«Каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, и в будущей гибели, которую мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, и вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян»*. (Н.А. Бестужев в “Воспоминании о Рылееве”)

Будущий декабрист с юных лет выделялся независимостью, смелым и непокорным духом, чувством товарищества, рано пробудившейся склонностью к поэзии. Объясняя матери причину своего ухода из военного сословия, Рылеев говорил: “...в наше время свет уже утомился от военных подвигов и славы героев, приобретаемой не за благородное дело помощи страждущему человечеству, но для его угнетения... нынче наступил век гражданского мужества, я чувствую, что мое призвание выше, - я буду лить кровь свою, но за свободу отечества, за счастье соотечечей, для приобретения прав угнетенному человечеству”.

20 ноября 1825 года, в преддверии трагических событий декабрьского восстания, в последнем письме к Пушкину Рылеев написал: *“На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и Гражданин”*.

Именно Рылеев автор этого словосочетания: «Поэт и Гражданин», которое позже подхватит Некрасов, и оно дойдет до наших дней. В отличие от Пестеля, первого русского революционера, Рылеев был именно первым русским «поэтом и гражданином» в одном лице. Не будь его, возможно, не было бы и Сенатской площади 14 декабря. Ведь мятеж был раскрыт, и главная контр-мера власти против восстания – досрочная присяга Сената и гвардии новому царю Николаю – была успешно проведена, что лишило восставших большей части войск, на которые они рассчитывали. (Вот что означало «присяга», то есть, опять же, просто «слово» в те уже полурьцарские для нашего восприятия времена). Заговор был раскрыт, и руководители Тайного общества об этом знали. Что делать? Ведь успеха уже не добиться. А завтра придут с арестом. Да, но ведь еще вся ночь впереди, еще можно успеть доехать до Шереметьево, укрыться в тамбовской деревне.. Да и вообще, «планы мятежа» это одна вина, а сам «вооруженный мятеж» – совсем другая статья. Так, может, сейчас не надо? Потерпеть до более удачных времен? Профессиональные революционеры, циничные и расчетливые, скорее всего так бы и поступили... Но не декабристы.

13 декабря вечером на квартире Рылеева в последний раз собрались члены Северного общества. Спать в эту ночь никто не ложился, все были возбуждены, радостно-тревожны, говорили, перебывая друг друга, спорили, вносили новые предложения и тут же отменяли их. Рылеев, Бестужев, Якубович ездили в разные казармы, чтобы разведать, что там делается, и в последний раз сговориться о завтрашнем дне; одни приходили, другие уходили... «Как прекрасен был в этот вечер Рылеев», — говорили о нем друзья. Горячий, порывистый, с детски-открытым лицом, он обладал какой-то особой притягательной силой. Друзья отдавались ему всем сердцем — теперь их связывали с ним узы еще более священные, чем дружба, — готовность вместе действовать и отдать жизнь за отечество.

Именно в эту ночь была сказана фраза, с которой Кондратий Федорович Рылеев вошел в русскую историю «*Лучше быть взятым на площади, чем в постели*».

«Поэт» и «гражданин» это понятия, все-таки, довольно далекие. Редко кому и редко когда удастся их органично сочетать. Но в ночь с 13 на 14 декабря 1825 года собравшиеся на квартире Рылеева декабристы в своем решении сумели соединить эти два различных понятия в единое целое. Выход на Сенатскую площадь в тех условиях был уже вовсе не «восстанием», а абсолютно осознанным поэтическим, символическим актом.

Вот поэтому хоть и попал-то Дантес, а памятник стоит, все-таки, Пушкину....

Именно этот символический акт «14 декабря» и вошел в нашу историю, став примером для всех будущих поколений. Без крови, без насилия, но как молчаливый и самый действенный укор власти – стояние на площади.

*Здесь всегда по квадрату
В ожиданьи полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки...*

Виктор Гюго, повествуя об одном из неудавшихся парижских мятежей в романе «Отверженные» написал так -

«Мы не можем не восхищаться славными борцами за будущее, все равно — достигнут они своей цели или нет. Они достойны преклонения, даже когда их дело срывается, и, может быть, именно в неудачах особенно сказывается их величие. Победа, если она содействует прогрессу, заслуживает всенародных рукоплесканий, но героическое поражение должно растрогать сердца. Победа блистательна, поражение величественно. Мы предпочитаем мученичество успеху.»

Советский бард Городницкий выразил эту же мысль доступнее -

*«Пусть запомнят потомки на все времена,
Добывая победу в сраженье:
Не всегда для свободы победа нужна,
Ей нужнее порой поражение».*
А.М.Городницкий в «Песни декабристов»

А еще короче и точнее у Шварца в «Обыкновенном чуде»
*«В трагических концах есть свое величие.
Они заставляют задуматься оставшихся в живых».*

13 июля 1826 года – казнь декабристов на кронверке Петропавловской крепости. Символично, что Петропавловская крепость это место упокоения всей царской фамилии. Имена и возраст казненных:

Кондратий Рылеев – 30 лет
Павел Пестель – 33 года
Сергей Муравьев-Апостол – 30 лет
Михаил Бестужев-Рюмин – 25 лет
Петр Каховский – 29 лет

Когда вешали, веревки не выдержали, и трое сорвались с эшафота. Других веревок не было, за ними послали в лавку, но все лавки в этот ранний час оказались закрыты. Пока ждали, Сергей Муравьев-Апостол бросил в воздух, ни к кому не обращавшееся, но вошедшее в историю: «Бедная Россия! И повесить-то порядочно у нас не умеют!»

Известие о казни пятерых и пожизненной каторге ста двадцати глубоко поразило страну несоответствием преступления и наказания. Двойное повешение еще более увеличивало контраст между чистотой намерений и жестокостью страданий. Таким образом, Николай Первый тоже помог декабристам врезаться в народную память поглубже.

В августе 1968 года тысячи советских танков раздавили «Пражскую весну» – выбор чешского народа жить так, как ему кажется правильным. Во всем Советском Союзе нашлось лишь семь человек, которые открыто выступили против этих действий своей страны, выйдя на Красную площадь с плакатом «За вашу и нашу свободу». Через несколько минут они были арестованы, и провели несколько лет в заключении. После «Демонстрации семерых» в пражской газете «Literární listy» писали: «Семь человек на Красной площади — это, по крайней мере, семь причин, по которым мы уже никогда не сможем ненавидеть русских»

Именно этим семерым посвятил одну из своих самых известных песен Александр Галич.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНС

*...Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть!
...Здесь мосты, словно кони –
По ночам на дыбы!*

*Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки*

*Все земные печали –
Были в этом краю...
Вот и платим молчаньем
За причастность свою*

Мальчишки были безусы,
Прапоры и корнеты
Мальчишки были безумны
К чему им мои советы?

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды –
Они ж по ночам:
«Отчизна! Тираны! Заря свободы!»

Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко.
И весь их щенячий табор
Мне мнился игрой, и только.

И я восклицал: «Тираны!»
И я прославлял свободу,
Под пламенные тирады
Мы пили вино, как воду,

И в то роковое утро,
(Отнюдь не угрозой чести!)
Казалось, куда как мудро
Себя объявить в отъезде.

Зачем же потом случилось,
Что меркнет копейкой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?

*Повторяется шепот,
Повторяем следы.
Никого еще опыт
Не спасал от беды*

*О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?*

*И все так же, не проще,
Век наш пробует нас –
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
В тот назначенный час?*

*Где стоят по квадрату
В ожиданьи полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки...*

Прошел целый век, прежде чем самодержавие, с которым боролись декабристы, наконец, пало. За это время французы успели еще пять раз устроить революции, меняя монархию на республику и обратно, постепенно добываясь все больших и больших гражданских свобод. А в России самодержавие пало само собой. Не из-за бомб террористов, не из-за кадетов, эсеров или большевиков, которые к краху монархии в феврале 1917 не имеют никакого отношения. Монархия пала под собственной тяжестью, рухнула от собственной глупости. Многие бросились в этот момент ловить упавший скипетр, и тут уж – кто наглее, да предприимчивее, да циничнее... К этому времени уже, к сожалению, не осталось таких благородных, отважных, умных, талантливых и одновременно с этим влиятельных людей, которыми были декабристы, потому что сама роль дворянства в русском обществе за прошедшие сто лет была безвозвратно утеряна. Но благородные и отважные нашлись, причем в той же среде русского офицерства, из которого были и декабристы. Это были совсем молодые люди, юнкера – курсанты военных училищ.

25 октября 1917 в Петрограде произошел большевистский переворот. Власть по всей стране перешла к советам. 27 октября в Москве, в здании Александровского военного училища собрались юнкера и студенты, готовые оказать сопротивление большевистскому восстанию. Их было около 300 человек. Они заняли подступы к училищу со стороны Смоленского рынка и Поварской, затем продвинулись до Тверского бульвара и заняли Большую Никитскую до Университета и Кремля. Добровольческий отряд студентов получил название «Белая гвардия». Это был первый случай употребления данного термина.

28 октября отряды юнкеров захватили московский Кремль и до 3 ноября его удерживали, пока их не выбили оттуда тяжелой артиллерией, снаряды которой пробили даже купол Успенского собора, где в это самое время проходил Поместный собор Православной церкви, избиравший в эти самые дни своего первого патриарха – Тихона. Это были самые первые залпы будущей гражданской войны. Убитых рабочих и солдат похоронили под Кремлевской стеной, а убитых юнкеров отпевали в Большом Вознесении у Никитских ворот. Потом многотысячная похоронная процессия направилась на Братское кладбище. Под впечатлением этих похорон Александр Вертинский написал свой романс.

*Я не знаю, зачем, и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожжащей рукой,
Только так бесполезно, так зло и ненужно
Опускали их в вечный покой*

*Равнодушные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.*

*Забросали их елками, закидали их грязью
И пошли по домам — под шумок толковать,
Что пора положить уже конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол, мы начнем голодать.*

*И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти — к недоступной весне...*

P.S. В советское время Братское кладбище, на котором за 1915-1917 г. были похоронены 18 тысяч солдат и офицеров, погибших в Первой мировой войне, было срыто, а на его месте у метро «Сокол» разбит парк с кинотеатром, каруселями, тиром и двумя кафе.

Прошел еще целый век. Век, за который все бывшие европейские колонии завоевали, вернее, выстрадали свою свободу, и только в России новое самодержавие, выросшее на «обломках самовластья» вновь рухнуло лишь само собой. Под собственной тяжестью, от собственной глупости и бездарности. И снова рухнуло, круша страну, калеча под своими обломками судьбы миллионов, сменяя их мораль и нравственные ориентиры.

Мне было 14 лет, когда в первый год новой власти я сидел на кухне и слушал по радиостанции «Эхо Москвы» историческую передачу о декабристах. Роль высшего судьи над ними брал на себя некий молодой неопит в рясе. «Да, нас всех учили в советской школе, что это были герои, но нас обманывали! На самом деле, это были преступники, поднявшие руку на венценосца, на помазанника божия! Это были самые страшные святотатцы XIX столетия, даже хуже графа Толстого» – гундел его неприятный голос, а довольный ведущий передачи поддакивал в ответ. На кухню вошел мой отец, прислушался, посмотрел на меня, ткнул пальцем в радиоприемник и сказал: «Запомни, когда нет ничего святого, это называется «цинизм»». Он ничего мне не объяснил ни тогда, ни потом, и вообще, почти ничего никогда не объяснял подробно, а о важном говорил крайне редко и очень кратко, то есть именно так, чтобы я мог запомнить на всю жизнь.

В декабре 2011 люди вышли на площадь. Уже было не сто, а сто тысяч. Многие вспоминали тогда о декабристах. Но мы не были декабристами. Ни ума, ни таланта, ни благородства дворян, ни даже горячности и самоотверженности юнкеров, а только обывательская скука от речей со сцены. Нас пугали не картечь и Сибирь, а мысль о том, как бы не замерзнуть на митинге. «Равнодушные зрители молча кутались в шубы...» Так что единственной параллелью между двумя декаблями русской истории можно считать лишь лютой столичный мороз долгой русской зимы.

Да, конечно, очередное самовластье тоже когда-нибудь рухнет само собой, без нашей помощи, исключительно под тяжестью собственной бездарности и бессмысленности, и тогда начнется иное время года. Но почему-то в России за краткой весной никогда не наступает лето. А может, это везде так, но в России суровее климат, и мы просто дольше, а потому сильнее, ждем? Об этом ожидании лучше всех написал Илья Эренбург в годы после самой холодной из русских зим.

*Да разве могут дети юга,
Где розы блещут в декабре,
Где не разыщешь слова "вьюга"
Ни в памяти, ни в словаре,*

*Что значит в мартовские стужи,
Когда отчаянье берет,
Все ждать и ждать, как неуклюже
Зашевелится грузный лед.*

*Да разве там, где небо сине
И не слиняет ни на час,
Где испокон веков поныне
Все то же лето тешит глаз,*

*А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.*

*Да разве им хоть так, хоть вкратце,
Хоть на минуту, хоть во сне,
Хоть ненароком догадаться,
Что значит думать о весне,*

*И в крепкой, ледяной обиде,
Сухой пургой ослеплены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны...*

1958